

УДК 81.373

РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 гг. В ЗЕРКАЛЕ АВТОРСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

© 2017 г.

А.В. Загребельный

Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, Вологда

pechorin2106@mail.ru

Поступила в редакцию 13.07.2016

Анализируются авторские паремии *снявши голову, не ведают; те же петли, да не на те бы головы и ешь щи с червями, а язык держи за зубами*, ранее не становившиеся предметом историко-лингвистических исследований.

Цель выполненной работы – анализ авторских паремий в социолингвистическом и культурно-историческом аспектах. В числе основных задач исследования – определение паремий-источников, механизмов их структурных трансформаций, историко-лингвистическое комментирование фактов и возможных причин их появления.

Ведущими методами в исследовании являлись описательный и сравнительно-сопоставительный, включающие в себя приёмы компонентного анализа, анализа широкого экстралингвистического контекста, а также анализа словарных дефиниций.

Ключевые слова: авторская паремиология; общественно-политическая лексика; квазипаремии; социолингвистический анализ; общественно-политические сатирические журналы; первая русская революция.

Научно подтвержденным фактом является то, что события политической жизни государства накладывают свой отпечаток на системы языка, в особенности на её лексический и фразеологический строй [1]. Исследователи отмечают, что «каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой «перестройке», создаёт свой лексико-фразеологический тезаурус...» [2].

Первая русская революция 1905–1907 гг. явилась следствием назревших и неразрешенных социально-политических противоречий, характеризовалась вовлеченностью в активную общественно-политическую жизнь страны большинства её граждан, в том числе и ранее считавшихся политически инертными (например, крестьян). Изданный императором Николаем II 17 октября 1905 г. «Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка» даровал гражданам Российской империи ранее недоступные свободы слова, собраний, печати, митингов, волеизъявления и пр. Несмотря на то что истинной целью издания данного документа было не стремление царской власти привнести какие-либо положительные изменения в жизнь своих граждан, а желание на бумаге предоставить центристам и левым политическим организациям то, что они хотели получить [3], его издание дало значительный толчок развитию периодической печати. В итоге «отмена как общей, так и духовной предварительной цензуры... залогов и цензов в издательской деятельности», законодательное закрепле-

ние возможностей введения явочного порядка регистрации изданий, невозможности административного воздействия на печать, ответственности за проступки печати только на основании судебных решений – все это вызвало настоящий газетно-журнальный «бум» в России [4, с. 319]. Общее количество журналов и газет в 1905–1907 гг. по сравнению с периодом 1890–1904 гг. увеличилось более чем в три раза и составило около 3300 наименований. В числе активно развивавшихся журналов были издания общественно-политической сатиры.

Особенности воздействия событий социально-политической жизни на лексическую и терминологическую системы языка были достаточно подробно рассмотрены в целом ряде лингвистических исследований [5–7]. Воздействие же отмеченных экстралингвистических факторов на паремиологический фонд русского языка исторически дистанцированных эпох в настоящее время изучено недостаточно [8–13].

В ходе работы с журналами общественно-политической сатиры периода 1905–1907 гг. нами было выявлено значительное количество авторских пословиц и поговорок (свыше 50 единиц), в числе которых *на Витте надейся, но погрома жди; конституция не балалайка – поиграешь, на стену не повесишь; корми сына до поры: вырастет – в тюрьму на казенные хлеба сядет; любишь печатать – люби и в кутузке сидеть; в чужой арсенал со своим пулемётом не суйся; скажи, в кого ты стреляешь, а я скажу, кто ты; кому жандарм, а тебе дядень-*

ка; старого воробья на овсе не поймаешь; каков кабинет, таков и бюджет; не красна Москва домами, а кровавыми следами; на войско надейся, а сам уезжай; не все то золото, что лежит в Государственном банке; бей, адмирал, – наместником будешь и др. Все данные образования построены на структурных основах уже существующих в языке паремий. Ни в каких других источниках рассматриваемого временного периода (документах различных политических и государственных организаций, воспоминаниях политических и общественных деятелей, художественной литературе) подобных языковых единиц выявлено не было.

Цель настоящей работы – анализ авторских паремий в социолингвистическом и культурно-историческом аспектах. В числе основных задач исследования – определение паремий-источников, механизмов их структурных трансформаций, историко-лингвистическое комментирование паремий-новаций и возможных причин их появления.

Порядок анализа выявленных паремий определяется хронологической последовательностью их выборки из текстов общественно-политической сатирической периодической печати.

Учитывая отсутствие в лингвистике единого подхода к определению паремии, границ паремиологии, паремиологического значения, считаем необходимым кратко обозначить основные позиции по данным вопросам.

В данной работе под паремией мы будем понимать языковую единицу, представляющую собой устойчивое воспроизводимое выражение предикативной структуры, обладающее самостоятельным значением [ср.: 14–17]. Понятия *паремия* и *паремиологическая единица* рассматриваются нами как синонимичные по отношению друг к другу и как родовые по отношению к терминам *пословица*, *поговорка* и *пословично-поговорочное выражение*.

Под пословицей мы будем понимать устойчивое выражение, образованное из деактуализированных компонентов, то есть компонентов, у которых полностью утрачены связи с первоначальными областями референции, и имеющее структуру предложения, характеризующееся наличием предикативности, неделимого значения.

Поговорка рассматривается нами как устойчивое выражение, имеющее структуру предложения, образованное на базе сохранивших своё исходное значение слов-компонентов.

Пословично-поговорочное выражение вслед за В.П. Фелициной, В.П. Жуковым определяется нами как устойчивое выражение, образованное на базе деактуализированных и недеактуализированных (сохранивших первоначальное

значение) компонентов и имеющее структуру предложения [14, 15].

Применительно к отобранным для анализа языковым единицам мы будем использовать термины *паремия*, *пословица*, *поговорка* и *пословично-поговорочное выражение* со значительной долей условности в силу недоказанности того факта, что данные конструкции лишены одного из ключевых признаков паремии – воспроизводимости. Это авторская новация, её смысл заключается именно в одноразовом употреблении.

В вопросе о типе значения паремии мы будем придерживаться точки зрения Л.Б. Савенковой и А.В. Батулиной, согласно которой паремиологическое значение отлично от значений слов и фразеологизмов [18, с. 46–47; 19]. Суть отличий состоит в том, что паремия, являясь по своей структуре предложением и характеризуясь наличием предикативности, служит не для обозначения понятия (как лексическая единица), не для образно-экспрессивного именованья отдельных признаков предметов, явлений, ситуаций и их характеристик (как фразеологическая единица), а для выражения суждения [14]. В итоге использование применяемого в лексикологии метода компонентного анализа в отдельных случаях может быть ограничено кругом компонентов паремий, созвучных с соответствующими словами русского языка и сохранивших соотношение с первоначальными областями референции. В других же ситуациях использование метода компонентного анализа применительно к составляющим авторской паремии, квалифицируемым исходя из выражаемого паремией суждения в качестве единиц, утративших связи с первоначальными областями референции, является принципиально необходимым для «отслеживания» всей цепочки произошедших внутрисемемных трансформаций от первоначального до конечного соотношения с объективируемыми посредством языкового кода экстралингвистическими реалиями. Использование подобного метода важно для понимания причин, обусловивших появление новых единиц языка – авторских паремий.

Особенностью проводимого анализа является отсутствие возможности учитывать разнообразные контекстуальные детерминации рассматриваемых языковых единиц по причине их единичного и внеконтекстуального употребления в привлеченных источниках (все выявленные паремии приведены в рубриках «Новые пословицы и поговорки» общественно-политических сатирических журналов 1905–1907 гг.).

В статье используются данные толковых словарей русского языка, словарей пословиц и

поговорок, а также фразеологических словарей. В качестве основного толкового словаря выбран Большой академический словарь русского языка, «включающий в себя общепотребительную лексику русского языка от эпохи Пушкина до наших дней...» [20, т. 1, с. 3].

В связи с невозможностью в границах одной статьи рассмотреть все многообразие выявленных авторских паремий остановимся на анализе следующих 3 единиц: *снявши голову, не вешают; те же петли, да не на те бы головы и ешь щи с червями, а язык держи за зубами*.

Снявши голову, не вешают (Зритель. 1905. № 24. С. 6). Анализируемая поговорка образована на базе паремии-источника **снявши голову, по волосам не плачут**, которая выражает следующее суждение: ‘совершив что-л. неоправимое, бессмысленно сожалеть о мелочах. Говорится тогда, когда поздно и бесполезно жалеть о чём-либо’ [14, с. 309]. Невозможность выведения значения паремии-источника из значений образующих её компонентов позволяет идентифицировать данную языковую единицу как пословицу.

Первая часть паремии (*снявши голову*) является фразеологической единицей (ФЕ) с главным компонентом-деепричастием в форме прошедшего времени. Рассматриваемая ФЕ является грамматическим вариантом глагольного фразеологизма *снять голову*, который, в свою очередь, имеет значение ‘1. Убить кого-либо’ [21, с. 544].

Отрицательная частица *не* ‘вносит значение полного отрицания того, что обозначает слово или словосочетание, перед которым она стоит’ [20, т. 11, с. 498].

Глагол *вешать* употреблен в форме 3-го лица мн. ч. настоящего времени и имеет толкование ‘2. Предавать смертной казни через повешение’ [20, т. 2, с. 480].

Механическая сумма значений компонентов анализируемой паремии может быть представлена в следующем виде: ‘убитого человека нельзя подвергнуть смертной казни через повешение’. Так как значение первой части паремии, в отличие от второй, не может быть «выведено по правилу», тип анализируемой языковой единицы определяется как пословично-поговорочное выражение.

В основе образования новой языковой единицы лежит механизм формально-семантической трансформации исходной паремии источника. Так, в пословице **снявши голову, по волосам не плачут** первая часть представляет собой единый семантически неделимый компонент, прошедший две стадии лексико-семантических преобразований. Можно предположить, что в процессе формирования рассматриваемой по-

словицы изначально свободное сочетание *снявши голову* подверглось двойному переосмыслению. На первой стадии образующие данное сочетание слова частично утратили первоначальные сферы референции, а само сочетание перешло в разряд фразеологических единиц со средней степенью межкомпонентных связей, которые, вслед за В.В. Виноградовым, принято называть фразеологическими единствами [22]. Сочетание *снявши голову* приобрело значение ‘убив кого-либо’.

На второй стадии лексико-семантического преобразования компоненты рассматриваемого сочетания вновь изменили сферы своей референции, степень идиоматичности сочетания значительно возросла. Само сочетание перестало квалифицироваться как фразеологизм, так как утратился признак воспроизводимости, и стало обозначать ‘совершение любого неоправимого действия’.

В процессе образования нового авторского пословично-поговорочного выражения **снявши голову, не вешают** введение не подвергшихся деактуализации компонентов *не вешают* вместо *по волосам не плачут* обусловило возврат сочетания *снявши голову* к стадии первичной лексико-семантической маркированности, статусу фразеологического единства. По всей видимости, процесс регрессии степени идиоматичности компонентов анализируемой паремии обусловлен стремлением автора данной языковой единицы сделать более прозрачной и понятной широкому кругу читателей журнала «Зритель» её внутреннюю форму, выражаемое ей суждение.

Обратимся к анализу экстралингвистических факторов, обусловивших появление рассматриваемой единицы языка.

Выпуск № 24 журнала «Зритель» вышел в свет 4 декабря 1905 г. в период небывалого подъёма революционного движения в Российской империи. События начала года (Кровавое воскресенье 9 января 1905 г., неудачи в Русско-японской войне и пр.) задали общий вектор движения российского общества по пути насильственной смены власти. При этом, как отмечали очевидцы тех событий, отсутствие у императора и правительства системных решений по борьбе с революцией во многом способствовало дестабилизации положения в стране [23–25].

На протяжении всего 1905 г. отмечался всплеск активности разного рода политических сил – как революционных, так и проправительственных. Один из идеологов неославянофильства А.А. Киреев в своих дневниковых записях от 30 сентября и от 12 октября 1905 г. писал следующее: «Москва бунтует. Правительство вместо того, чтобы стрелять как следует, – стреляет холостыми зарядами и разгоняет тол-

пу, которая стреляет как следует и убивает солдат!» [23, с. 92]; «Благодаря полнейшему бездействию правительства революция становится день ото дня серьезнее, грознее. На ежедневных митингах в разных учебных заведениях (!) принимаются все более и более радикальные решения» [23, с. 99].

Другие сторонники действующего монархического строя, преимущественно дворяне, чиновники высших рангов, прочие состоятельные граждане, небезосновательно видели в революции угрозу своему привилегированному положению в обществе, своему существованию. Так, потомственный дворянин, отставной надворный советник, директор правления Петербургского общества страхования, член ЦК «Союза 17 октября» П.С. Чистяков на первом общем собрании «Союза 17 октября», состоявшемся 4 декабря 1905 г., отметил следующее: «Надвигающаяся революция грозит нам всем; она грозит будущности наших детей; мы должны воспрепятствовать ей...» [25, с. 32].

Левому террору в России 1905 г. противостоял правый террор. Власть своими непродуманными действиями (разгоны и расстрелы демонстрантов, казни революционеров) и в силу отсутствия единого понимания происходивших событий, четкого плана действий лишь способствовала обострению и так непростой ситуации: «Правительство, в сущности, не благоустраивает Россию, а «делает уступки» из страха бунтов и особенно бомб... Поэтому оно старается уступками делать так, чтобы умиротворить именно бросателей бомб» [24, с. 100].

Точных данных о количестве убитых и раненых в ходе революционных событий в России 1905 г. нет. Одно лишь количество погибших в результате разгона демонстрации рабочих 9 января 1905 г. превысило 1 тыс. человек [23, с. 356], а общее число жертв декабрьского вооруженного восстания в Москве, по данным дворцового коменданта Д.Ф. Трепова, составило около 10 тыс. человек [23, с. 116]. В целом же о масштабах трагедии можно лишь догадываться.

Несмотря на то, что сатирические журналы имели «весьма различные политические ориентации», они «одинаково остро выступали против самодержавия и его догматов, против царя и его министров» [26, с. 178]. Можно предположить, что именно по этой причине все выявленные нами авторские паремии выражают суждения, в той или иной степени содержащие критику царской власти.

Псевдопаремия **снявши голову, не вешают** в этом отношении не является исключением. Её автором заостряется внимание читателя лишь на одном проявлении жестокости – со стороны

царской власти. Жестокость леворадикальных и праворадикальных политических организаций во внимание не принимается.

Таким образом, в числе экстралингвистических факторов, обусловивших появление рассматриваемого ППВ, можно отметить крайне непоследовательные, порой жестокие действия властей по наведению в стране порядка, подавлению восстаний, а также стремление автора анализируемой паремии (по всей видимости, в силу его политических убеждений) предельно гиперболизировать отмеченные действия, очернить царя и правительство в глазах общественности, представить власть жестокой до состояния безумия, выставить царя и правительство настолько ненавидящими революционеров, что если было бы возможно, то они казнили бы их по второму разу.

В итоге суждение, выражаемое авторским пословично-поговорочным выражением **снявши голову, не вешают**, может быть сформулировано следующим образом: «невозможно дважды применить к кому-либо высшую меру наказания».

Те же петли, да не на те бы головы [27, с. 6]. Анализируемая языковая единица образована на базе паремии-источника **тот же блин, да на другом блюде**, выражающей следующее суждение: «то же самое, но в изменённом виде» [14, с. 327]. Как видим, приведенное суждение никак не коррелирует со значениями слов-компонентов паремии-источника, следовательно, тип паремии-источника – пословица.

Особенность образования рассматриваемой авторской паремии состоит в том, что от паремии-источника взята лишь обобщенная структурная модель (местоимение *тот* + частица *же* + существительное, частица *да* в противительном значении + прочие слова-компоненты), компонентный же состав полностью обновлён. Поэтому квалифицировать пословицу **тот же блин, да на другом блюде** как паремию-источник возможно с существенными оговорками.

Для того чтобы сформулировать суждение, выражаемое паремией **те же петли, да не на те бы головы**, и определить её тип, обратимся к компонентному составу данной языковой единицы, а также фактам общественно-политической жизни страны рассматриваемого временного периода, обусловившим её появление.

Местоимение *тот*, являющееся в данном контексте определительным и употребленное в форме мн. ч., имеет значение '10. Тожественный упомянутому или известному; он же, не другой' [28, т. 15, с. 721].

Частица *же* «после указательных и определительных местоимений и наречий употребляется для подчеркивания одинаковости, сходства или

неизменности, постоянства чего-л.’ [20, т. 5, с. 586].

Существительное *петля*, употреблённое в форме мн. ч., толкуется как ‘1. Часть веревки (шнура, ремня и т. п.), сложенная кольцом и завязанная так, что концы её можно затянуть. О смерти через повешение; о лишении себя жизни таким способом’ [20, т. 16, с. 495–496].

Противительный союз *да* ‘3. Употребляется для противопоставления членов предложения и целых предложений; близок по значению союзам: *но, однако*’ [20, т. 4, с. 482].

Отрицательная частица *не* ‘вносит значение полного отрицания того, что обозначает слово или словосочетание, перед которым она стоит’ [20, т. 11, с. 498].

Предлог *на* ‘1. Употребляется при указании на предмет, лицо, место, на поверхность которого направлено действие (с вин. пад.) или на котором, на поверхности которого протекает действие или находится кто-, что-л. (с предл. пад.)’ [20, т. 11, с. 9].

Частица *бы* ‘обозначает различные оттенки желаемости действия. а) Собственно желаемости чего-либо’ [20, т. 2, с. 281–282].

Существительное *голова*, употреблённое в форме вин. п. мн. ч., имеет значение ‘1. Верхняя часть тела человека, передняя (верхняя) часть тела позвоночного животного, состоящая из черепной коробки и лица у человека или морды у животного’ [20, т. 4, с. 228].

Как видим, на основе значений слов-компонентов анализируемой паремии не представляется целесообразным давать механическую сумму приведенных значений.

В Российской империи начала XX века смертная казнь применялась на основе Положения о мерах к сохранению государственного порядка от 4 сентября 1881 г. После революционных потрясений 1905 г. высшая мера наказания стала использоваться в невиданных до этого масштабах. Центральная власть наделила генералов и губернаторов правом без суда и следствия выносить «смертные» приговоры. Так, по историческим данным, «число казненных без суда и при отсутствии обвинительного приговора только в декабре 1905 года составило 376 человек» [29].

Гражданских лиц, в отношении которых выносились подобные приговоры, казнили через повешение. В соответствии с действовавшей на начало XX века нормативно-правовой базой, в том числе на основе Уголовного уложения 1903 г., высшая мера наказания применялась в большей степени к преступникам, совершившим особо тяжкие преступления по политическим мотивам, и в значительно меньшем количестве случаев ко всем остальным лицам, совершившим

аналогичные преступления по любым другим мотивам.

Узаконенная таким образом социальная несправедливость, когда граждане, совершившие особо тяжкие преступления не по политическим мотивам, в большинстве случаев избегали высшей меры наказания, в то время как лиц, подозреваемых в аналогичных политических преступлениях, казнили даже при отсутствии исчерпывающих доказательств их вины, не могла не вызывать негодование в кругах прогрессивной интеллигенции и в целом в народных массах.

Другой возможной причиной, обусловившей появление анализируемой паремии, могло стать небезосновательное стремление её автора представить действия царской власти по борьбе с беспорядками в «политически детерминированном» свете, то есть целенаправленно заострить внимание читателей на якобы имевшем место избирательном характере применения высшей меры наказания к участникам уличных беспорядков и погромов по признаку политической принадлежности. Данная «небезосновательность» могла являться следствием договоренностей между представителями центральных комитетов крайне правых организаций и императором о совместном противодействии революционному движению. Как отмечают историки, император и Кабинет министров достаточно лояльно относились к ультраправым политическим организациям: «Дать отпор «потрясателям основ» были призваны боевые дружины черносотенных союзов. Их непосредственная задача состояла в оказании содействия полицейским властям» [30, с. 19].

Тем не менее радикальные монархисты извлекли «нежелание ограничиваться ролью «группы поддержки» царя, что «вызывало превышение и без того широких полномочий «союзников». Стремление бить врага его же оружием приводило правых к тактике индивидуально-го террора» [30, с. 19–20]. При этом действия данных организаций квалифицировались не как антигосударственные, но как противозаконные, в отличие от действий левых сил [30, с. 20].

Использование частей регулярной армии для разгона демонстраций и подавления вооруженных восстаний, ориентированность полицейского аппарата Российской империи начала XX века на борьбу преимущественно с левым террором давали либеральной интеллигенции ещё один повод для критики царской власти.

Монархисты снискали себе дурную славу в связи с организованными ими погромами, равно как и отдельные государственные деятели, принимавшие активное участие в борьбе с революци-

ей (как, например, генерал-адъютант Ф.В. Дубасов). Возможно, в какой-то степени содержание паремии **те же петли, да не на те бы головы** относилось именно к данным персонам.

Желание либеральной интеллигенции выразить на страницах периодической сатирической общественно-политической печати своё несогласие с социально несправедливым выборочным применением уголовного законодательства, заострить внимание читателей на негативных сторонах российского варианта монархической формы правления, при которой преступники могли подразделяться на «своих» и «чужих» в зависимости от политического характера совершенных ими преступлений, реализовывалось путём обращения к богатейшим возможностям русского литературного языка.

Паремии веками аккумулировали в ёмких выражениях народную мудрость, их обобщенные структурные модели, их формально-звуковой облик были хорошо известны даже малограмотным крестьянам, составлявшим подавляющее большинство населения страны начала XX века [31]. Использование узнаваемой модели пословицы **тот же блин, да на другом блюде** для создания новой паремии на злободневную тему **те же петли, да не на те бы головы**, расчёт на прозрачную, доступную для понимания, внутреннюю форму паремии, её образность позволили автору данной языковой единицы решить сразу две задачи: обойти преграды цензуры и донести своё мнение до широких слоёв населения.

В итоге суждение, выражаемое анализируемой паремией, может быть сформулировано следующим образом: ‘ту же высшую меру наказания следовало бы применить к лицам, которые действительно совершили особо тяжкие преступления’. Наличие в составе рассматриваемой единицы не подвергшихся деактуализации слов-компонентов позволяет определить её тип как пословично-поговорочное выражение.

Ешь щи с червями, а язык держи за зубами [27, с. 6]. Рассматриваемая языковая единица образована на базе паремии-источника **ешь пирог с грибами, а (да) язык держи за зубами**, выражающей суждение ‘не говори ничего лишнего, помалкивай’ [14, с. 115]. Паремия-источник представляет собой пословично-поговорочное выражение, в котором первая часть не требует толкования и используется для усиления содержания второй части [32, с. 14].

В процессе образования новой языковой единицы была полностью сохранена изначальная структурная основа ППВ **ешь пирог с грибами, а (да) язык держи за зубами**, его компонентный состав претерпел незначительные из-

менения: слова *пирог с грибами* были заменены на *щи с червями*.

Для того чтобы определить, как изменилось суждение, выражаемое паремией-источником, после замены отдельных слов-компонентов, обратимся к компонентному составу её первой части (поскольку вторая часть сохранена без изменений, представляется нецелесообразным рассматривать её компонентный состав), а также к компонентному составу первой части авторской паремии.

Глагол *есть*, употреблённый в форме 1-го л. повелительного наклонения, имеет значение ‘1. Принимать пищу’ [20, т. 5, с. 548].

Слово *пирог* употреблено в форме вин. п., ед. ч. и определяется следующим образом: ‘1. Мягкое выпеченное изделие из раскатанного (обычно дрожжевого) теста с начинкой’ [28, т. 9, с. 1211].

Лексема *щи* употреблена в форме вин. п., ед. ч. и толкуется как ‘жидкое кушанье, сваренное из капусты’ [28, т. 17, с. 1689].

Предлог *с* имеет следующее значение: ‘15. С твор. пад. Употребляется при указании на предмет, содержащийся, наличествующий в другом предмете’ [28, т. 13, с. 19].

Существительное *гриб*, употребленное в форме тв. п. мн. ч., определяется как ‘1. Низшее споровое растение, не содержащее хлорофилла, часто в виде шляпки, сидящей на ножке’ [28, т. 3, с. 395].

Слово *червь* использовано также в форме тв. п. мн. ч. и имеет значение ‘1. Ползающее беспозвоночное животное с мягким длинным телом’ [28, т. 17, с. 853].

В итоге сумма значений слов-компонентов первой части паремии-источника может быть представлена в следующем виде: ‘употребляй в пищу печеные изделия из теста с начинкой из грибов’.

В случае же с рассматриваемой авторской паремией обобщенное значение первой части следующее: ‘употребляй в пищу несвежее жидкое кушанье, сваренное из капусты, в котором уже завелись черви’.

Как видим, сочетание *пирог с грибами* является нейтральным с точки зрения наличия дополнительных созначений. Как разновидность блюда пирог с различными начинками (в том числе и с грибами) был широко распространен в России начала XX века, о чём свидетельствуют соответствующие произведения художественной литературы, публицистики, а также специальные пособия по кулинарному делу [33–35].

Иная ситуация складывалась с щами. В XVII – XVIII веках щи пользовались популярностью в дворянской среде и даже среди первых лиц государства. Так, например, П.И. Ковалевский отмечал, что данное блюдо входило в ежеднев-

ный рацион Петра I: «В его обед (Петра I – уточнение наше. – А.З.) обыкновенно входили следующие блюда: *щи*, студень, ветчина, каша, жареная утка с груздями, пирог, кусок редьки или сыра, рюмка вина, кружка пива, квас и вода. Кушанья подавали горячие. За столом прислуживал денщик. Еда продолжалась не долго» [36].

В конце XIX – начале XX веков ситуация начала постепенно меняться: щи стали входить в перечень повседневных блюд граждан страны. Так, Ф.Ф. Эрисман, характеризуя рацион отдельных категорий рабочих фабрик, отмечал, что щи готовились и употреблялись в пищу, но не часто: «уже самое название таких рабочих на фабричном жаргоне – «сухарники» – достаточно характеризует, как они питаются; их пища действительно «сухая – хлеб и гречневая каша (не всегда), да чай дешевого невозможного качества; *щи* варятся только иногда» [37].

Во многих казённых учреждениях России конца XIX – начала XX века щи входили в перечень подаваемых блюд, однако их качество порой оставляло желать лучшего. Так, А.П. Чехов в повести «Палата № 6» на уровне подтекста отмечал тот факт, что щи в больнице были кислые и зачастую не первой свежести [38].

Само сочетание *щи с червями* обладает колоссальным образным потенциалом, базирующемся на его внутренней форме. Испорченный продукт по определению не может считаться пригодным к употреблению. Пища же, достигшая такой стадии порчи, при которой в ней завелись черви, может вызывать лишь сильнейшее чувство отвращения. Именно поэтому в коннотативном блоке значения лексемы *щи* под действием негативной семантики сочетания *с червями* актуализируются микрокомпоненты ‘резко’ ‘отрицательная’ ‘оценка’ и ‘отвращение’, ‘брезгливость’ как семы эмотивного компонента коннотативного блока значения. Понятийный блок значения также претерпевает изменения: интенсивное воздействие контекстуально детерминированной коннотативной семантики приводит к полной деактуализации денотативной семы ‘кушанье’, так как утрачивается связь между понятием о данном блюде как о пригодном в пищу и лексемой, объективирующей посредством языкового кода данное понятие. Под *щами* начинает пониматься не готовый к употреблению пищевой продукт, а лишь определённый набор некогда съедобных «компонентов».

В итоге замена нейтрального сочетания *пирог с грибами* на образное и коннотативно окрашенное *щи с червями* приводит к двойному усилению содержания второй части.

Принимая во внимание тот факт, что в России начала XX века пироги в «меню» мест ли-

шения свободы не входили, в отличие от несвежих щей, ставших визитной карточкой данных заведений, можно предположить, что автор анализируемой паремии намеренно ввёл в структуру языковой единицы именно это сочетание с целью расширить, конкретизировать суждение, выражаемое ей.

Ещё одной реалией жизни российского общества первого десятилетия XX века, способной обусловить появление анализируемой авторской паремии, была боязнь рядовых граждан открыто выражать свои мысли относительно происходивших событий. Так, редактор «Московских ведомостей» Л.А. Тихомиров в своих дневниковых записях писал следующее: «Был сегодня портной Жарков и рассказал о своей жизни во время беспорядков. Невоздержанный на язык и не трус, он, случалось, ругал бунтующих, и за это его раз грозили расстрелять» [24, с. 212].

Таким образом, суждение, выражаемое рассматриваемой паремией, может быть сформулировано в следующем виде: ‘как бы тяжело ни было, принимай своё положение как данное, неизменное, не пытайся изменить его к лучшему и не говори по этому поводу ничего лишнего, молчи’.

Тип анализируемой паремии – пословично-поговорочное выражение, так как в его структуре «слова <...>, не нуждающиеся в толковании, сразу же переносятся в определение, а часть, имеющая переносный смысл...» истолковывается [32, с. 14].

Использование образного потенциала созданного ППВ позволило его автору в одной сжатой конструкции в гиперболизированном, доведённом до абсурда виде передать ситуацию с правами человека в России начала XX века. Демократические свободы, предоставленные гражданам страны Манифестом 17 октября, так и остались лишь громкими декларациями, отраженными на страницах документа и не нашедшими практической реализации.

Подводя итоги, отметим следующее. Массштабные политические и социально-экономические потрясения рассматриваемого временного периода вызвали к жизни явление, которое А.М. Селищев называл «энергичной языковой деятельностью» [39, с. 27]. Сущность данного явления заключалась в том, что различные политические партии, слои населения, а также отдельные люди старались «выразить своё отношение к происходящим событиям... обсудить те или иные вопросы, подействовать на чувство и волю отдельных лиц и целых групп...» [39, с. 27]. В этих целях им помогали богатейшие возможности русского языка.

Донести свою позицию до рядового гражданина на предельно понятном, доступном ему языке, привлечь его на свою сторону – вот основная негласная цель пропаганды различных политических партий. Добиваться данной цели помогали два «инструмента»: языковые средства и периодическая печать.

Небывалый рост количества журналов и газет в 1905 – 1907 гг., являясь следствием имевшихся разногласий в правительстве, недальновидной позиции императора, многократно повысил эффективность пропагандистской работы различных политических сил, выступил катализатором революционных событий. В высших эшелонах власти ещё за несколько лет до первой русской революции было понимание опасности средств массовой информации для царской власти. Так, министр внутренних дел В.К. Плеве в конце 1902 г. в беседе с редактором «Русского богатства» Н.К. Михайловским утверждал, что «общественное движение есть плод литературы <...> студенты, вообще молодежь, рабочие, крестьяне – все это – пушечное мясо. Двигатель – печать и она должна платиться за все беспорядки...» [40, с. 57].

Множественное употребление на страницах журналов общественно-политической сатиры авторских паремий, образованных на базе уже существовавших и хорошо знакомых носителям языка пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений, представляется неслучайным. Образность, лаконичность, прозрачность внутренней формы, нередко гиперболизированность исходно заложенного смысла, выражение суждения – вот те характеристики паремий, которые, как можно предположить, и обусловили их выбор в качестве наиболее эффективного языкового средства донесения определенных политических взглядов и идей до широких народных масс.

В рамках данной статьи были проанализированы три авторские паремии, ранее не привлекавшие внимания ученых-лингвистов. Механизм трансформации паремии, послужившей базой для создания пословично-поговорочного выражения **снявши голову, не вешают**, состоял в формально-семантической трансформации исходной паремии-источника, суть которой заключалась в замене компонентов *по волосам не плачут на не вешают* и изменении семантических характеристик сочетания *снявши голову*, а также актуализацией «общих» компонентов рассмотренной единицы языка. Несколько иной механизм трансформации был положен в основу создания паремии **те же петли, да не на те бы головы**, состоявший в том, что от паремии-источника была взята лишь обобщенная структурная модель (местоимение тот + частица же

+ существительное, частица да в противительном значении + прочие слова-компоненты), компонентный же состав был полностью обновлён. Паремия же **ешь щи с червями, а язык держи за зубами** была образована путем использования исходной обобщенной синтаксической модели ППВ-источника с заменой компонентов *пирог с грибами на щи с червями*, сопровождавшейся на первоначальной стадии референтной отнесенности процессами перераспределения и актуализации микрокомпонентов денотативного и коннотативного блоков значения, двойной актуализацией содержания второй части проанализированной паремии.

В дальнейшем планируется провести детальный анализ других выявленных авторских пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений. Несомненный, на наш взгляд, научный и практический интерес представляет изучение выявленного корпуса единиц с позиций наличия (или отсутствия) интегральных структурных и семантических характеристик, системных отношений, выявления не подвергшихся деактуализации лексем и составных наименований в значениях, не фиксировавшихся ни словарями эпохи, ни современными словарями, построенными на корпусе текстов конца XIX – начала XX веков.

Список литературы

1. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия: Сб. ст. / Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; Общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm>
3. Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. 440 с.
4. История мировой журналистики. М.: ИКЦ «МарТ», 2003. 432 с.
5. Голованевский А.Л. Общественно-политическая лексика в словарях 1900–1917 гг. (К проблеме идеолого-семантической типологии словарей дореволюционного периода) // Филологические науки. 1986. № 3. С. 25–31.
6. Голованевский А.Л. Социальная и идеологическая дифференциация и оценочность ОПЛ русского языка // Вопросы языкознания. 1987. № 4. С. 35–42.
7. Загребельный А.В. Лексика общественно-политической сферы русского языка начала XX века в семасиологическом и функциональном аспектах. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 248 с.
8. Шутина В.Н. Отражение менталитета эпохи в пословичной картине мира: на материале первых печатных сборников: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010. 24 с.

9. Мартянов Д.А. Сборники русских пословиц и поговорок первой половины XVIII века как историко-лексикологический источник: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 22 с.
10. Загребельный А.В. Авторская паремияология... // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. V Бодуэновские чтения: Тр. и материалы Междунар. конф. (Казань, 12–15 окт. 2015 г.): В 2 т. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева; Казан. федер. ун-т. Казань, 2015. Т. 1. С. 120–123.
11. Загребельный А.В. Авторские паремии в русском языке начала XX века // Вопросы филологии. 2015. № 3. С. 39–47.
12. Загребельный А.В. Квазипаремия «Гусь свинье не товарищ, а товарищ графу не "братец"» в русском языке 1905–1906 гг. // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2015. № 8. С. 121–128.
13. Загребельный А.В. Паремия «Назвался "братцем" – ступай налево» в русском языке начала XX века // В мире научных открытий. 2015. № 1.1 (61). С. 767–776.
14. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык. Медиа, 2005. 537 с.
15. Фелицина В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Изд. 2-е, исправл. и доп. М., 1988.
16. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Изд. 3-е. М.: Изд-во URSS, 2013. 216 с.
17. Тарланов З.К. Синтаксис русских пословиц. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1970. 448 с.
18. Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система: Дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2002. 484 с.
19. Батулина А.В. Пословично-поговорочные выражения в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2003. 211 с.
20. Большой академический словарь русского языка. М.; СПб.: Наука, 2004.
21. Фразеологический словарь русского языка. Изд. пятое, стереотипное / Под ред. А.И. Молоткова. СПб.: Вариант, 1994. 544 с.
22. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
23. Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 / Сост. К.А. Соловьев. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 472 с.
24. Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов; [авт. предисл., коммент. и примеч. А.В. Репников]. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 599 с.
25. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905 – 1907 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. 408 с.
26. Беспалова А.Г., Корнилов Е.А., Короченский А.П. [и др.] История мировой журналистики. М.: ИКЦ «МарТ», 2003. 432 с.
27. Зритель. 1905. № 24.
28. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР; Наука, 1950–1965.
29. Шишов О.Ф. Смертная казнь в России в XX веке // Индекс. 2001. № 14.
30. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сб. док. Серия «Первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО XX, 2001. 520 с.
31. Политические партии России, конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. 800 с.
32. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2000. 544 с.
33. Молоховец Е. Подарок молодым хозяйкам, или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве / Перечень разнородных правил при приготовлении кушаний (1875–1900) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorp.org>
34. Мамин-Сибиряк Д.Н. Зеленые горы (1902). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorp.org>
35. Горький М. Мещане (1901) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorp.org>
36. Ковалевский П.И. Петр Великий и его гений (1900–1910) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorp.org>
37. Эрисман Ф.Ф. Пищевая гигиена (1871–1908) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorp.org>
38. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения. Т. 8. М.: Наука, 1986.
39. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. М., 1928.
40. Михайловский Н.К. Моё свидание с В.К. Плеве // Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1913. Т. 10. С. 57.

THE REVOLUTION OF 1905–1907 IN THE MIRROR OF AN AUTHOR'S PAREMIOLOGY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

A.V. Zagrebel'ny

The article contains an analysis of the proverbs «If you take off somebody's head you can't execute him by hanging», «They should use the same nooses for other people» and «You have to eat cabbage soup with worms and hold your tongue», which so far have not been a subject of historical and linguistic research.

The aim of the work was to analyze author's proverbs in sociolinguistic and cultural aspects. The main research tasks were as follows: to find source proverbs, to define their structural transformation mechanisms, to give a historical and linguistic commentary on the possible reasons for the formation of the novel proverbs.

The research was done with the use of the descriptive and comparative methods, which included elements of component analysis, the analysis of a broad extralinguistic context as well as the analysis of dictionary definitions.

Keywords: author's proverbs, social and political lexicon, quasiparodies, sociolinguistic analysis, socio-political satirical magazines, first Russian revolution.

References

1. Blakar R.M. Yazyk kak instrument social'noj vlasti (teoretiko-ehmpiricheskie issledovaniya yazyka i ego ispol'zovaniya v social'nom kontekste) // Yazyk i modelirovaniye social'nogo vzaimodejstviya: Sb. st. / Sost. V.M. Sergeeva i P.B. Parshina; Obshch. red. V.V. Petrova. M.: Progress, 1987. 464 s.
2. Budaev Eh.V., Chudinov A.P. Sovremennaya politicheskaya lingvistika [Ehlektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://www.philolo-gy.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm>
3. Stepanov S.A. Chyornaya sotnya v Rossii (1905–1914 gg.). M., 1992. 440 s.
4. Istoriya mirovoj zhurnalistiki. M.: IKC «MarT», 2003. 432 s.
5. Golovanevskij A.L. Obshchestvenno-politicheskaya leksika v slovaryah 1900–1917 gg. (K probleme ideologosemanticheskoy tipologii slovaroj dorevolucionnogo perioda) // Filologicheskie nauki. 1986. № 3. S. 25–31.
6. Golovanevskij A.L. Social'naya i ideologicheskaya differenciatsiya i ocenochnost' OPL russkogo yazyka // Voprosy yazykoznanija. 1987. № 4. S. 35–42.
7. Zagrebel'nyj A.V. Leksika obshchestvenno-politicheskoy sfery russkogo yazyka nachala XX veka v semasiologicheskom i funkcional'nom aspektah. Vologda: ISEhRT RAN, 2013. 248 s.
8. Shutina V.N. Otrazhenie mentaliteta ehpopi v poslovichnoj kartine mira: na materiale pervyh pechatnyh sbornikov: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2010. 24 s.
9. Mart'yanov D.A. Sborniki russkih poslovic i pogovorok pervoj poloviny XVIII veka kak istorikoleksikologicheskij istochnik: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2012. 22 s.
10. Zagrebel'nyj A.V. Avtorskaya paremiologiya... // I.A. Boduehn de Kurteneh i mirovaya lingvistika. V Boduehnovskie chteniya: Tr. i materialy Mezhdunar. konf. (Kazan', 12–15 okt. 2015 g.): V 2 t. / Pod obshch. red. K.R. Galiullina, E.A. Gorobec, G.A. Nikolaeva; Kazan. feder. un-t. Kazan', 2015. T. 1. S. 120–123.
11. Zagrebel'nyj A.V. Avtorskie paremii v russkom yazyke nachala XX veka // Voprosy filologii. 2015. № 3. S. 39–47.
12. Zagrebel'nyj A.V. Kvaziparemiya «Gus' svin'e ne tovarishch, a tovarishch grafu ne "bratec"» v russkom yazyke 1905–1906 gg.» // Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya. 2015. № 8. S. 121–128.
13. Zagrebel'nyj A.V. Paremiya «Nazvalsya "bratcem" – stupaj nalevo» v russkom yazyke nachala XX veka // V mire nauchnyh otkrytij. 2015. № 1.1 (61). S. 767–776.
14. Zhukov V.P. Slovar' russkih poslovic i pogovorok. M.: Russkij yazyk. Media, 2005. 537 s.
15. Felicina V.P. Russkie poslovicy, pogovorki i krylatye vyrazheniya. Izd. 2-e, ispravl. i dop. M., 1988.
16. Amosova N.N. Osnovy anglijskoj frazeologii. Izd. 3-e. M.: Izd-vo URSS, 2013. 216 s.
17. Tarlanov Z.K. Sintaksis russkih poslovic. Leninograd: Izd-vo LGU, 1970. 448 s.
18. Savenkova L.B. Russkie paremii kak funkcioniruyushchaya sistema: Dis. ... d-ra filol. nauk. Ros-tov n/D, 2002. 484 s.
19. Batulina A.V. Poslovichno-pogovorochnye vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke: Dis. ... kand. filol. nauk. Velikij Novgorod, 2003. 211 s.
20. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka. M.; SPb.: Nauka, 2004.
21. Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Izd. pyatoe, stereotipnoe / Pod red. A.I. Molotkova. SPb.: Variant, 1994. 544 s.
22. Vinogradov V.V. Russkij yazyk. M., 1972.
23. Kireev A.A. Dnevnik. 1905–1910 / Sost. K.A. Solov'ev. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya, 2010. 472 s.
24. Dnevnik L.A. Tihomirova. 1905–1907 gg. / Sost. A.V. Repnikov, B.S. Kotov; [avt. predisl., komment. i primech. A.V. Repnikov]. M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2015. 599 s.
25. Partiya «Soyuz 17 oktyabrya». Protokoly s"ezdov, konferencij i zasedanij CK. V 2 t. T. 1. Protokoly s"ezdov i zasedanij CK. 1905 – 1907 gg. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya, 1996. 408 s.
26. Besspalova A.G., Kornilov E.A., Korochenskij A.P. [i dr.] Istoriya mirovoj zhurnalistiki. M.: IKC «MarT», 2003. 432 s.
27. Zritel'. 1905. № 24.
28. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 1–17. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR; Nauka, 1950–1965.
29. Shishov O.F. Smertnaya kazn' v Rossii v XX veke // Indeks. 2001. № 14.
30. Politicheskaya policiya i politicheskij terrorizm v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): Sb. dok. Seriya «Pervaya publikatsiya» / Pod red. G.A. Boryugova. M.: AIRO XX, 2001. 520 s.
31. Politicheskie partii Rossii, konec XIX – pervaya tret' XX veka: Ehnciklopediya. M.: ROSSPEhN, 1996. 800 s.
32. Zhukov V.P. Slovar' russkih poslovic i pogovorok. 7-e izd., stereotip. M.: Russkij yazyk, 2000. 544 s.
33. Molohovec E. Podarok molodym hozyajkam, ili sredstvo k umen'sheniyu raskhodov v domashnem hozyajstve / Perechen' raznorodnyh pravil pri prigotovlenii kushanij (1875–1900) [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://ruscorp.ru>
34. Mamin-Sibirjak D.N. Zelenye gory (1902). [Ehlektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://ruscorp.ru>.
35. Gor'kij M. Meshchane (1901) [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://ruscorp.ru>
36. Kovalevskij P.I. Petr Velikij i ego genij (1900–1910). [Ehlektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://ruscorp.ru>.
37. Ehrisman F.F. Pishchevaya gigiena (1871–1908) [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://ruscorp.ru>.
38. Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30 t. Sochineniya. T. 8. M.: Nauka, 1986.
39. Selishchev A.M. Yazyk revolyucionnoj ehpopi. M., 1928.
40. Mihajlovskij N.K. Moyo svidanie s V.K. Pleve // Mihajlovskij N.K. Polnoe sobranie sochinenij. SPb., 1913. T. 10. S. 57.